

УДК 008:001.8

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Кокаревич Мария Николаевна,

д-р филос. наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВПО
«Томский государственный архитектурно-строительный университет»,
Россия, 634003, г. Томск, пл. Соляная, 2. E-mail: kokarevich@mail.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью в экспликации понятия истины, обусловленной двумя факторами: культурной детерминацией исследования проблемы истинности и реконструктивной методологической стратегией философствования.

Цель работы: выявить основные тенденции эволюционирования проблемы истинности в социогуманитарном познании.

Методы исследования: метод историко-философского анализа для уяснения специфики решений проблемы истины в различных философских системах; герменевтический метод как метод понимания феномена разнообразия решений проблемы истины; методология типологизации как метод упорядочивания различных решений проблемы истины; компаративистская методология; методология реконструкции культурно-исторической реальности, основанной на представлении культуры как сосуществовании целостных культурно-исторических типов, в которых каждый элемент детерминирован системой ментальных доминант.

Результаты. Исследование проблемы истинности социогуманитарного знания в постмодернистском философствовании представляет собой широкий спектр решений: от дадаистической деконструкции, умеренной деконструкции до корреспондентской реконструкции понятия истины, в рамках которой соответствие реальности понимается как соответствие онтологической модели реальности.

Выводы. Современное социогуманитарное познание характеризуется возвращением к корреспондентской реконструкции понятия истины, в рамках которой истинным является знание, соответствующее онтологической модели социокультурной реальности; при этом возможно многообразие онтологических моделей данного вида реальности как следствия реконструктивной методологической стратегии социогуманитарного познания. В качестве онтологической модели реальности предложена модель культурно-исторической действительности как множества культурно-исторических типов или отдельных культур, культурных эпох, как систем с качественно своеобразной бытийной основой, совокупностью ментальных доминант, которые, воплощаясь во всех феноменах культуры, культурной эпохи, задают ее качественное своеобразие и целостность всех социокультурных феноменов. Подобная онтологическая модель социокультурной реальности позволяет понять соответствие получаемого знания не только как соответствие моделируемой культурно-исторической реальности, но и как соответствие социокультурной действительности как фону моделирования. Соответственно, истинность знания обеспечивается явной или неявной данностью бытийных оснований моделируемой культурно-исторической действительности и совместимостью теоретических высказываний с этими первоначалами, а также совместимостью с культурно-исторической реальностью, в которую вписан исследователь.

Ключевые слова:

Истина, соответствие, знание, понимание, онтологическая модель реальности, культурно-историческая действительность, реконструктивная методология.

Последовательная реализация принципа детерминации научного познания социокультурными факторами приводит к представлению о культурной детерминированности и гносеологических тематизаций, в частности методологического арсенала научного познания, изменчивости идеалов и норм научного познания [1], «экологических ниш» [2], культурной детерминированности понятия истины. Культурная детерминация меняет даже эмоциональную окраску методологической лексики. В свое время Ф. Бэкон ставит задачу выявления «идолов», затемняющих, искажающих истину, и освобождения человеческого мышления от них. Экстерналистский, социокультуралистский философский дискурс заменяет термин «идолы пещеры», несущий отрицательную эмоциональную окраску, на нейтральный – «факторы» научного познания, носящие культурно-исторический характер, с одной стороны, а с другой стороны, являющиеся постоянными, непреходящими детерминантами познавательной деятельности, способствующими выявлению истины. Идолы пещеры трансформируются в определенные детерминанты, такие как научная картина мира, парадигма, теория, исследовательская программа и т. п.

Аналогичным образом социокультурный подход актуализирует понятие истины в рамках исторических типов рациональности: классической, неклассической и постнеклассической. В первом случае истинность знания определяется как соответствие объекту. Во втором – как соответствие предметной реальности и способу вопрошания, определяемому теорией, методами и средствами познания. В третьем к последним требованиям добавляется соответствие гуманистическим ценностям, поскольку предметной реальностью становятся человекообразные системы.

Другим фактором, определяющим изменчивость концепта истинности, является признание того, что методологической стратегией философского познания является реконструирование. Понимание социогуманитарного познания как реконструирования восходит к Ф. Шеллингу, который показывает, что любое философствование осуществляется как конструирование понятий и систем. Все философские системы представляют собой «конструкции», «продуцирования» [3. С. 24–25]. Для современного философского дискурса понимание способа философствования как реконструирования, конструирования, творчества концептов

[4], продуктивного процесса [5. С. 94; 6. С. 277], формообразования [7], концептуального моделирования [8. С. 8–36] становится имманентным, примером чего является распространённость концепта деконструкции. Очевидно, что деконструировать можно лишь то, что было сконструировано. Р. Рорти, по его утверждению, деконструирует образ Зеркала Природы как конструкции, утверждающей способность человеческого разума быть зеркалом природы [9].

Данные факторы – культурная детерминация исследования проблемы истинности и реконструктивная методологическая стратегия философствования, в частности, в области гносеологии и эпистемологии *актуализируют* проблему истины в аспекте перманентной экспликации ее концептуального содержания. Исследование данной проблемы порождает широкий спектр решений, распадающихся по шкале от отказа от понятия истины до обоснования основных положений классической корреспондентской теории истины, в рамках которой истинность знания – это соответствие реальности. Наибольшее многообразие концептуальных построений свойственно современной постмодернистской культурной эпохе.

Действительно постмодернистская культура – это, прежде всего, утверждение принципа максимальной приближенности к каждому отдельному человеку, к его субъективности. В философии, в теории познания данное положение утверждается как принцип индивидуализации, субъективизации, что означает релятивизацию понятия истины вследствие признания ведущей роли в познавательных процессах воображения, веры, страсти, языка, культурно-исторического фона и других подобных факторов.

При этом становление постмодернизма во всех сферах культуры предполагает на данном этапе агрессивное отрицание предшествующих модернистских идеалов в философии, идеалов высокого искусства, заданных Ренессансом. Поэтому постмодерн в искусстве начинается с дадаизма с его разрушением и унижением всех образов и ценностей элитарного модернизма и образов прекрасного предыдущих эпох. Примером чего становится выполненная М. Дюшаном точная копия Джоконды Леонардо да Винчи, но с усиками и сопровождающаяся довольно фривольной надписью. Аналогично в философском дискурсе происходит разрушение логоцентристских концепций (Ж. Деррида), метаповествований (Ж.-Ф. Лиотар). Мир начинает существовать в интерпретации, истолковании, он действительно рассыпается, и индивидуализируется, теряет смысл понятие единого мировоззрения, единого закона, единой истины.

Соответственно, происходит дадаистическое отрицание методологической стратегии продуцирования, конструирования, реконструирования, их замена на деконструирование. Деконструктивизм Ж. Деррида разрушает логоцентрическую традицию, в рамках которой утверждается суще-

ствование истины и необходимость ее отыскать. Теперь не истина, но желание, деконструкция как способ существования и осуществления субъективной интенции становится ведущим принципом, и эстетического постижения мира и философского осмысления. Деконструкция понимается как нечто имманентное человеку, субъективное и контекстуальное и не может называться термином, свойственным модернистскому гносеологическому дискурсу, а именно – методом, методологией. «Деконструкция не является каким-либо методом и не может быть трансформирована в метод» [10. С. 55].

Агрессивный отказ от понятия истины характерен для П. Фейерабенда, который время от времени называет себя дадаистом. Он жестко и эмоционально начинает в теории познания борьбу против методологических стандартов, норм и правил. Поэтому он объявляет истину зловредным монстром и весьма настойчиво убеждает читателей в том, что не истина, а утверждение новых методологических установок, желание найти собственное объяснение, жажда научного самоутверждения является целью ученого. Именно поэтому развитие науки им представлено как пролиферация несоизмеримых по категориальному и методологическому аппарату теорий. Примером чему служит творчество видного представителя теоретической механики Г. Галилея, который, по мнению П. Фейерабенда, посвятил себя обоснованию принципа – книга природы написана языком математики. Действительно, Г. Галилей как представитель новой науки, родившейся в эпоху Возрождения, как носитель идеи возрождения античной культуры во всех ее проявлениях вполне мог посвятить себя обоснованию пифагорейского принципа о математике как языке природы.

Впоследствии с повсеместным утверждением постмодернистских культурных доминант дадаистский деконструктивизм уступает место умеренной деконструкции и реконструкции понятия истины. Постмодернистская, но уже умеренная деконструкция понятия истины представляет собой основную тенденцию исследований по проблеме истины.

Уже Ж.-Ф. Лиотар показывает, что человек как носитель знания всегда включен в коммуникационную систему, в языковую игру. Следовательно, методология языковых игр с их правилами, которые представляют собой предмет соглашения, более всего подходит для объяснения приема и передачи информации, которая носит нарративный характер. Данная методология предполагает, что знания представляют собой систему высказываний о предметах, денотативных высказываний, которые оцениваются по единственному критерию – критерию истинности, и прескриптивных, оценочных высказываний, оцениваемых по критериям справедливости, красоты звучания и т. п. Отличие научного знания от нарративного, по Лиотару, в том, что оно представляет собой совокупность

денотативных высказываний. Критерием приемлемости такого знания является именно его истинность [11. С. 66]. Тем самым происходит частичная легитимация научного знания и понятия истины, поскольку истинность денотативных высказываний предполагает, что аксиоматическая система, в которой данное высказывание определено и доказуемо, была сформулирована и принята каким-либо научным сообществом.

Ю. Хабермас говорит об эпистемологической очевидности нередуцируемых высказываний, носящих контекстуальный, intersubjectивный характер для членов определенного коммуникативного сообщества, которые принимают определенную методологию понимания и истолкования. Тем самым понятие истины сводится к понятию эпистемологической очевидности [12]. Л.А. Маркова обосновывает понятие смысла как современного эквивалента истине. «В наши дни в философских рассуждениях о науке гораздо большую роль, чем прежде, начинает играть понятие смысла. В ряде случаев оно заменяет понятие истины» [13. С. 50]. Истинность становится в данной концептуализации свойством господствующей теории, остальные теории неклассической науки обладают правом считаться научными, поскольку обладают смыслом.

Современные исследования проблемы истины в значительной степени характеризуются утверждением в определенном виде корреспондентской реконструкции понятия истины. В рамках феноменологической традиции истина – это удостоверяющая идентификация [14. С. 56–61]. Подобная идентификация между мышлением и бытием возможна вследствие того, что бытие дано, *во-первых*, в интенциональном акте, в котором осуществляется тождественность, соответствие сущего в аспекте его восприятия, воспринимаемого (*intentum*, нозма) и воспринятого (*inentio*, ноззис). Тем самым воспринятое как таковое – это сущее как оно есть в качестве воспринятого [14. С. 45]. Таким образом, в интенциональном акте всегда осуществляется соответствие между мышлением и бытием, всегда формируется нозтический коррелят нозматического.

Феноменологический принцип категориального созерцания, *во-вторых*, позволяет реконструировать познание как процессы созерцания всеобщего, как акты синтеза, в которых всегда подразумевается предметность, и акты идеации (аналога абстракции), в которых показывает себя идеальный состав предметов сам по себе, не являющийся продуктом этих актов, т. е. функцией мышления субъекта. *В-третьих*, принцип априори позволяет утвердить понимание познания как познания бытийных основ, т. е. априори как характеристик бытия сущего, данного в интенциональных актах [14. С. 82]. Тем самым осуществляется познание как получение истинных знаний в качестве знаний о бытии сущего, данного в категориальном созерцании, осуществляемого в интенциональных актах.

В рамках социогуманитарного, философского познания феноменологическая реконструкция понятия истины восходит к традиции, заданной В. Дильтеем. Он заменяет истину интуитивной понятностью, что является следствием понимающей методологии – основы наук о духе. При этом интуитивная понятность, перманентно эксплицируемая в философской традиции исследования проблемы истины, освобождается частично от предиката субъективности, который замещается, не полностью, методологическими характеристиками необходимости и всеобщности. На последних характеристиках социогуманитарного знания настаивал неокантианский рационализм, для которого истинное знание представляет собой результат реконструктивной методологической стратегии, осуществляемой в рамках, прежде всего, ценностных систем, которые становятся фоном понимания, достигаемого в процессах истолкования и интерпретации. Отнесение к ценности предполагает выделение существенных свойств по отношению к определенной системе ценностей, т. е. формированию обобщенного типа явлений (типа общественного устройства, социального типажа). Поскольку ценностная система едина и общезначима, она гарантирует истинность суждения о концептах, основанных на ней.

Тем самым, понимание формируется в истолковании, растолковании и вписано в определенную систему ценностей и смыслов. Истолкование становится формой социогуманитарного познания. Соответственно, язык становится той априорной формой, которая обуславливает границы и способ философского осмысления и понимания нами социокультурной реальности, а герменевтика, впоследствии феноменологическая герменевтика, становится методологией социогуманитарного познания. В языке отражается жизненный мир как мир опыта, конструируемого анонимно, коллективно, жизненный мир, всеохватывающий горизонт которого «конституируется анонимной, а именно никем не совершаемой интенциональностью» [6. С. 297]. Это мир дотеоретического знания, и мир изначальных повседневных очевидностей, значимых во всяком объективированном опыте, и мир жизненно практических ценностей (благо, безопасность), духовных ценностей (добродетели и т. д.). Жизненный мир историчен. Жизненный мир древних греков с их представлениями о мире, с их отношениями со всеми формами действительности (с богами, государством и прочим) отличается от жизненного мира современного европейца.

Язык, демонстрируя специфику жизненного мира, становится домом бытия [15. С. 272]. Внутри языка существует вот-бытие как система фундаментальных доминант, первоначал, априори социокультурной реальности, которые реконструируются посредством языка. Например, находясь внутри античной поэзии, всех текстов античной культуры с их понятиями «я» как единицы сообщества, «добродетели» как синонима мужествен-

ности, разумности, силы, хитрости, служения отечеству, «симпозиума» как пира разума, «числа» как отрезка на прямой, «космоса» как ограниченного, симметричного пространства исследователь путем анализа, истолкования поэтических, архитектурных, скульптурных, других культурных текстов и индуктивного обобщения приходит к формулированию бытийных доминант античной культуры, таких как культ прекрасной обобщенной человеческой телесности, ослабленное индивидуальное начало, интеллектуализм, вневременность, объективизм.

Бытийные доминанты, воплощаясь во всех формах жизненного мира культуры, обуславливают его единство, целостность и становятся условием истинности знаний о социокультурной реальности, о феноменах данного жизненного мира. Целостность, всеохватность жизненного мира задается бытийными доминантами, составляющими жизненный горизонт, с которым жизненный мир всегда интенционально соотносен. Возможность всеохватывающего жизненного мира, слияния горизонтов позволяет говорить об истинности знания как соответствии жизненному миру.

Именно поэтому Х.-Г. Гадамер говорит об объективности такого знания, практически объективной истинности знания, полученного посредством теоретической реконструкции определенного исторического жизненного мира [6. С. 366, 409]. Соответственно. Н.М. Смирнова, реконструируя феноменологическую дескрипцию истины, акцентирует то обстоятельство, что «понятие истины в социально-феноменологической трактовке отражает трансформацию классического познавательного отношения: соответствие знания онтологическому референту предстает здесь как соответствие научно-теоретического социального знания базисным структурам понимания жизненных миров» [16. С. 47–69]. Тем самым показывается, что соответствие реальности трансформируется в соответствие онтологической модели реальности, каковой в социально-феноменологической традиции является жизненный мир. Данное положение обосновывает в целом для научного познания А.Л. Никифоров, определяя истину теоретических положений как соответствие предметной реальности данной теории, т. е. онтологической модели реальности [17].

Для социогуманитарного познания, тем самым, остается возможность понимания истинности знания как соответствия реальности, что актуализирует задачу уяснения терминов «соответствия», «реальности», «знания».

Следует согласиться с тем, в процессе научного, в частности социогуманитарного познания реальность выступает как онтологическая модель реальности. Традиция данной модификации восходит к Ф. Шеллингу, который, легитимируя реконструирование как методологию философствования, подчеркивал, что философ имеет дело с «модификацией изначальной реальности» [3. С. 24]. Вследствие

имманентности философскому мышлению реконструктивной методологии со времени выделения наук о духе было построено множество онтологических моделей социокультурной реальности. Для В. Дильтея социокультурная реальность существует как совокупность «переживаний» [7. С. 128]. Она может быть сопряженностью субъекта и бытия, которое потому и существует как «интерпретированное бытие» (П. Рикёр) [18. С. 64], герменевтическим опытом (Х.-Г. Гадамер) [6. С. 421–426], языковой, знаковой реальностью, фено-текстом (структурализм постструктурализм [19] и т. п.

Онтологической моделью социокультурной реальности может быть представление о ней как о множестве культурно-исторических типов или отдельных культур, культурных эпох. Каждый культурно-исторический тип, культурная эпоха – это в своей основе система ментальных доминант, бытийных оснований, которые, воплощаясь во всех формах отдельной культуры, культурной эпохи, задают ее качественное своеобразие и целостность, единство всех культурных феноменов. Например, культ прекрасной человеческой телесности как бытийная доминанта древнегреческой культуры воплощается в телесности мышления (число мыслится как отрезок на прямой); представлении о космосе как об обобщенном прекрасном человеческом теле; в культе телесных удовольствий; в архитектурной ордерной системе, где ионическая колонна – воплощение прекрасного женского тела, а дорическая – мужского и т. д.

Данная онтологическая модель социокультурной реальности позволяет усмотреть, *во-первых*, предметную, моделируемую культурно-историческую действительность, *во-вторых*, культурно-историческую реальность, являющуюся фоном познания как моделирования, реконструирования. Поэтому соответствие получаемого знания – это, *во-первых*, совместимость с моделируемой культурно-исторической реальностью, которая предполагает получение знания о культурных феноменах в их сопряженности с бытийными основаниями каждой культуры, культурной эпохи. Истинность знания обеспечивается явной или неявной данностью бытийных оснований, первоначал культуры и совместимостью теоретических высказываний с этими первоначалами. Так, Г. Земпер показывает, что искусство древних греков было не монохромно, но полихромно. Неявная установка на культ прекрасной человеческой телесности, имманентно присущий древнегреческой культуре, нацеливает Г. Земпера на поиски следов полихромности скульптур и других артефактов и позволяет доказать истинность выдвинутого предположения как совместимого с ментальными основаниями. Явное принятие ослабленного индивидуального начала в качестве бытийного основания древнегреческой культуры позволяет оценить как не соответствующие истине высказывания Н.А. Куна об угрызениях совести, испытываемых Клитемнестрой. Понятие совести как пережитой нравственной нор-

мы утверждается со становлением внутреннего «я» как совокупности принятых моральных ценностей в античной культуре. В гомеровскую эпоху с присущим ей ослабленным индивидуальным началом греки испытывали только стыд, стыд за поступок, ставший всем известным и несовместимый с общепринятой моралью.

Во-вторых, постижение истинности социогуманитарного знания обеспечивается совместимостью с культурно-исторической реальностью, в которую вписан исследователь. Это условие выполняется автоматически. Всякое знание как определенная реконструкция всегда остается творением конкретного человека, вписанного в определенную культурно-историческую среду и потому воплощающего ментальные доминанты своей культурной эпохи. На этом аспекте соответствия как условия детерминации познавательной деятельности акцентирует внимание структуралистская и постструктуралистская традиция, настаивая на соответствии «произведения», «фено-текста» глубинным основаниям культурно-исторической реальности, «гено-тексту» как фону моделирования своей предметности.

Этот аспект соответствия знания ментальным доминантам культурной эпохи является определяющим для многих философов, повторявших, что каждая философия есть выражение своего и только своего времени, и не существует двух таких эпох, которые бы имели тождественные философские интенции. Вместе с тем соответствие фону философствования или концептуального моделирования в нашей терминологии касается не содержания моделируемого материала, которым может быть античная культура, а самой теоретической концепции. В частности, концептуальная модель О. Шпенглера соответствует нарождающейся постмодернистской культуре с ее принципом максимальной приближенности к каждому отдельному человеку, в обобщении – к каждой отдельной культуре. Одновременно построения О. Шпенглера совместимы с базисными доминантами современной ему культурной эпохи с ее приоритетом иррационального, подсознательного, бессознательного. Соответственно, данная модель, подчеркивающая базисную роль фундаментальных оснований культуры, выраженных в понятиях современной О. Шпенглеру психологии – «гештальт», «прадущевное состояние», образует целостность с современными ей культурными формами, такими как импрессионизм, изображающий ощущение; постимпрессионизм, запечатлевающий эмоциональное переживание мира; фрейдизм с его определяющей ролью либидозных инстинктов и т. п.

Как было отмечено, совместимость теоретической модели с фоном ее создания достигается автоматически и не влияет на соответствие с моделируемой культурно-исторической реальностью. Вместе с тем данное соответствие позволяет признать, вписать каждую такую модель в систему знания, что задает ее общезначимость, «высвечивает» ее

истинность, ее соответствие моделируемой культурно-исторической реальности, позволяет понять специфику самой концептуальной модели в аспекте ее совместимости со временем созидания. Представляется, что именно данное обстоятельство отмечает М. Мерло-Понти: «Истина – это другое название того, что выпадает в осадок, что само по себе есть присутствие в нашем присутствии. Это означает, что даже для философского субъекта, и особенно для философского субъекта в высшем его понимании, не существует объективности, которая учитывала бы наше сверхобъективное отношение ко времени, нет света, кроме того, что светит нам сегодня» [20. С. 109].

Аналогичную роль в рамках социогуманитарного познания играет субъект, который не только выступает как носитель ценностей своей культурной эпохи, но является не пассивным наблюдателем, а участвует в познавательном процессе со всей своей эмоциональностью, статусностью, религиозностью, мировоззренческой позицией и т. п. Тем самым в теоретических построениях реализуется соответствие субъективности исследователя. Понимание существования данного третьего типа соответствия также позволяет уточнить, «высветить» денотативное содержание концептуальных социогуманитарных моделей. Например, яркая эмоциональная окрашенность концептуализаций Ф. Ницше («Сократ – роковой паук», «сострадание так же смешно, как нежные руки у циклопа» и т. п.) обращает на себя внимание, заставляет лучше понять, полнее реконструировать все моменты соответствия данных концептуализаций культурно-исторической реальности как моделируемой, так и являющейся фоном концептуального моделирования.

Таким образом, социогуманитарное знание как результат познавательной деятельности, которая в своей основе является реконструированием, концептуальным моделированием, может быть оценено через категорию истинности. Истинность данного знания выступает как соответствие предметной, онтологической модели культурно-исторической реальности, т. е. системе бытийных оснований ментальных доминант моделируемой культуры, культурной эпохи. Например, сформулировать истинное представление, понять ордерную систему древних греков значит вписать этот феномен в систему ментальных доминант, объяснить как воплощение культа прекрасной человеческой телесности, одного из бытийных оснований античной культуры. Соответствие теоретических построений фону концептуального моделирования и всей субъективности исследователя выполняет функцию уточнения, выделения моментов истинности, позволяет вычленивать инвариантное ядро социогуманитарных положений в аспекте разграничения истинного содержания социогуманитарного знания и формы его представления, определяемой культурно-исторической реальностью, в которую вписан исследователь.

Таким образом, в данной статье показывается, что для социогуманитарного познания всегда остается важным понимание истины как соответствия реальности, что актуализирует задачу уяснения специфики понятий «реальность», «соответствие», «знание». Реальность выступает в виде онтологической модели реальности, реконструирующей реальность в виде множества культурно-исторических типов, культурных эпох со своей ментальностью, которая, воплощаясь во всех формах

культуры, задает их целостность и качественное своеобразие. Тогда знание представляет собой единство субъективного и объективного, рационального и эмоционального и является результатом методологической стратегии реконструирования, деконструирования, моделирования. Соответствие знания реальности в этом случае понимается как соответствие предметной моделируемой реальности, культурно-исторической реальности как фону моделирования, субъективности автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степин В.С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. – Минск: Изд. БГУ, 2012. – 416 с.
2. Toulmin S. Human Understanding: The Collective Use and Evolution of Concepts. – Princeton: Princeton University Press, 1972. – 327 p.
3. Шеллинг Ф.В. Сочинения. В 2-х т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2. – 636 с.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 286 с.
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – 784 с.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
7. Дильтей В. Сущность философии. – М.: Интрада, 2001. – 159 с.
8. Кокаревич М.Н. Концептуальное моделирование в социальной философии. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 456 с.
9. Рорти Р. Философия и Зеркало Природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. – 297 с.
10. Деррида Ж. Письмо японскому другу // В.ф. – 1992. – № 4. – С. 53–57.
11. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
12. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // В.ф. – 1992. – № 4. – С. 40–52.
13. Маркова Л.А. Истина в классической и неклассической науке / Понятие истины в социогуманитарном познании. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 30–55.
14. Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. – GmbH, Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1979. – 384 s.
15. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
16. Смирнова Н.М. Когнитивный анализ феноменологической концепции интерсубъективности / Интерсубъективность в науке и философии. – М.: Канон+, 2013. – С. 47–69.
17. Язык. Знание. Реальность / под ред. И.Т. Касавина, П.С. Куслия. – М.: Альфа-М, 2012. – 304 с.
18. Ricoeur P. The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics. – Evanston: Northwestern University Press, 1974. – 695 p.
19. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
20. Merleau-Ponty M. Signes. – Paris: Gallimard, 1960. – 428 p.

Поступила 08.11.2014 г.

TRUTH PROBLEM IN SOCIAL AND HUMANITARIAN COGNITION

Maria N. Kokarevich,

Dr. Sc., Tomsk State University of Architecture and Building, 2, Solyanaya Square
Tomsk, 634003, Russia. E-mail: kokarevich@mail.ru

The relevance of the research is determined by the necessity to explain the concept of truth, defined by two factors: cultural determination of the truth problem explanation and reconstruction methodological strategy of philosophizing.

The aim of the research is to reveal the main tendencies of truth problem evolving in social and humanitarian cognition.

The methods of research: the method of historical and philosophical analysis for explaining specifics of solutions of the truth problem in various philosophical systems; the hermeneutical method as a method of understanding a phenomenon of a truth problem solutions variety; the typology methodology as a method of ordering various solutions of the truth problem; the comparative methodology; methodology of reconstruction of cultural and historical reality, based on the picture of culture as coexistence of unified cultural and historical types, where every element is determined by the system of mental dominants.

Results. The exploration of the truth problem of social and humanitarian knowledge in post-modern philosophizing is wide spectrum solutions: from Dadaistic deconstruction, moderate deconstruction to correspondent's reconstruction of the concept of the truth. Within the latter the accordance to reality is realized as the accordance to ontological model of reality.

Conclusion. Modern social and humanitarian cognition is characterized by returning to the correspondent's reconstruction of the concept of the truth, within this framework the knowledge corresponding to ontological model of social and cultural reality is real. The variety of ontological models of this type of reality is possible as a result of reconstructive methodological strategy of social and humanitarian cognition. That is why one of these modifications of the correspondent's conceptualization of truth is well-founded understanding of truth of social and humanitarian knowledge as the accordance to mental dominants of this or that culture, cultural epoch. As an ontological model of reality the model of cultural and historical reality is suggested as a great number of cultural and historical types or separate cultures, cultural epochs, and as the systems with qualitatively distinctive existing basis, sum total of mental dominants, which are personified in all phenomena of culture, cultural epoch and set its qualitative originality and entirety of all social and cultural phenomena. Such ontological model of social and cultural reality allows understanding the correspondence of getting knowledge not only as the accordance to simulated cultural and historical reality, but as the accordance to social and historical reality as a modeling background as well. So the true knowledge is provided by explicit or implicit reality of existential grounds, which are modeled by cultural and historical reality and compatibility of theoretical sentences with these fundamental principles as well as the compatibility with cultural and historical reality and the researcher is entered in it.

Key words:

Truth, accordance, knowledge, understanding, ontological model of reality, cultural and historical reality, reconstructive methodology.

REFERENCES

- Stepin V.S. *Nauchnoe poznanie v sotsialnom kontekste. Izbrannye trudy* [Scientific knowledge in a social context. Selected works]. Minsk, BGU Press, 2012. 416 p.
- Toulmin S. *Human Understanding: The Collective Use and Evolution of Concepts*. Princeton, Princeton University Press, 1972. 327 p.
- Shelling F.V. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Mysl Publ., 1989. Vol. 2, 636 p.
- Delez Zh., Gvattari F. *Chto takoe filosofiya* [What is philosophy]. Moscow, Institut eksperimentalnoy sotsiologii; St. Petersburg, Aleteya, 1998. 286 p.
- Kassirer E. *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected works. An essay on man]. Moscow, Gardariki Publ., 1998. 784 p.
- Gadamer H.-G. *Istina i metod* [Truth and method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p.
- Diltey V. *Sushchnost filosofii* [Essence of philosophy]. Moscow, Intrada Publ., 2001. 159 p.
- Kokarevich M.N. *Kontseptualnoe modelirovanie v socialnoy filosofii* [Conceptual modeling in social philosophy]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing, 2012. 456 p.
- Rorti R. *Filosofiya kak Zerkalo Prirody* [Philosophy as the mirror of nature]. Novosibirsk, Novosibirsk University Press, 1997. 297 p.
- Derrida Zh. *Pismo yaponskomu drugu* [Letter to Japanese friend]. *V.f.*, 1992, no. 4, pp. 53–57.
- Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmodern* [State of postmodernism]. Moscow, Institut eksperimentalnoy sotsiologii; St. Petersburg, Aleteya, 1998. 160 p.
- Habermas Yu. *Modern – nezavershenny proekt* [Modernism is uncompleted project]. *V.f.*, 1992, no. 4, pp. 40–52.
- Markova L.A. *Istina v klassicheskoy i neklassicheskoy nauke* [Truth in classical and non-classical science]. *Ponyatie istiny v sociogumanitarnom poznanii* [Truth concept in social and humanitarian cognition]. Moscow, IFRAN Publ., 2008. pp. 30–55.
- Heidegger M. *Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs*. GmbH, Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1979. 384 p.
- Haydegger M. *Vremya i bytie* [Being and time]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p.
- Smirnova N.M. *Kognitivny analiz fenomenologicheskoy kontsepcii intersubektivnosti* [Cognitive analysis of the phenomenological concept of intersubjectivity]. *Intersubektivnost v nauke i filosofii* [Intersubjectivity in science and philosophy]. Moscow, Kanon+ Publ., 2013. pp. 47–69.
- Yazyk. Znanie. Realnost* [Language. Knowledge. Reality]. Ed. by I.T. Kasavin, P.F. Kysli. Moscow, Alfa-M Publ., 2012. 304 p.
- Ricoeur P. *The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics*. Evanston, Northwestern University Press, 1974. 695 p.
- Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetry]. Moscow, Progress, Univers Publ. group, 1994. 616 p.
- Merleau-Ponty M. *Signes*. Paris, Galli mard, 1960. 428 p.

Received: 08 November 2014.